

**Русская философия:
полюсы и векторы**

**ХРИСТИБ ФЕЛЬДШТРАУХ:
АЛЬТЕРНАТИВНОЕ НАЧАЛО РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

В.В. ВАСИЛЬЕВ

Рассуждения о начале философских течений не всегда могут быть точными. Само понятие философии несколько размыто, и это обстоятельство открывает возможность разного понимания истоков, к примеру, той или иной национальной традиции. Вместе с тем, едва ли правильным было бы вообще отказываться от обсуждения вопроса об истоках и началах. Подобные обсуждения могут быть полезными, так как в любом случае историческое повествование надо с чего-то начинать. Возможность разных ответов на вопрос о начале не означает и произвольности подобных ответов. Есть просто несколько альтернативных подходов, каждый из которых отражает суть вещей.

Впрочем, число альтернатив можно сузить, проведя напрашивающееся различие между историей и предысторией. Говоря, к примеру, о начале греческой философии мы уверенно относим Гесиода к предыстории, а, скажем, Анаксимандра к истории. Отдельные философские мысли — удел предыстории, история же начинается с систематического философствования.

Размышляя в таком ключе об истории русской философии¹, мы неизбежно ограничим область поисков XVIII столетием — в предшествующие времена отечественные авторы не создавали систематических философских трактатов. Но как сориентироваться в XVIII веке? Кого брать за точку отсчета — Прокоповича, Сковороду, Радищева или, может, кого-то еще? Серьезным подспорьем в решении этого вопроса может стать то обстоятельство, что русская философия возникала не на пустом месте. XVIII век, эпоха Просвещения — это один из самых продуктивных периодов в истории мысли, и первые шаги отечественной философии невозможно вырвать из этого контекста.

Указанный контекст как раз и может стать мерилем при решении вопроса о начале истории русской философии. История отличается от предыстории зрелостью своих оригинальных продуктов, которые могут быть распознаны в качестве таковых со стороны других, уже развитых традиций, конечно, при их наличии. В нашем случае именно так и было. Соответственно, вопрос о начале русской философии может быть переформулирован следующим образом: кто из отечественных философов был впервые замечен в качестве такового другими традициями и обсуждался их представителями?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, хочу еще раз подчеркнуть, что это, конечно же, не единственный путь установления начала русской философии. Но он, как и другие пути, имеет право на существова-

ние. Отметим также возможные двусмысленности при определении того, кого можно считать отечественным философом. Ясно, что использование русского языка, к примеру, не может быть определяющим критерием, особенно если речь идет о XVIII столетии. Русская философская терминология тогда еще не сложилась, и многие авторы философствовали на других языках. Подобная ситуация, разумеется, характерна не только для русской философии. Нечто похожее мы видим в Германии. Еще в начале XVIII в. по-немецки почти никто не философствовал, и, к примеру, философские трактаты Лейбница написаны на французском и латыни — но мы признаем его немецким философом.

Нельзя считать критерием отнесенности к истории русской философии и принадлежность мыслителя к соответствующей этнической группе. Это настолько очевидно, что не нуждается в разъяснении. Однако именно такую принадлежность, отраженную в фамилиях, можно использовать в методических целях, чтобы подступить к указанной выше проблеме. Вопрос о том, кто из отечественных философов впервые вызвал резонанс за пределами России, малоисследован, и поэтому можно попробовать облегчить изыскания, ограничиваясь русскими фамилиями. В самом деле, если мы встретим в европейской философской литературе XVIII в. обсуждение идей, скажем, Лопухина или Шуйского, то мы сможем быть практически уверены, что здесь так или иначе обнаружится российский след. Так мы и поступим.

Еще одно уточнение касается области предстоящих нам поисков. Понятно, что нас интересуют философские сочинения и рецензии западных авторов. Но философская литература эпохи Просвещения безбрежна, и хорошо бы определить разумные границы изысканий. Решение, впрочем, напрашивается. И связано это со спецификой трех главных философских традиций того времени — британской, французской и немецкой. Британские философы были образцом для других традиций, но сами мало интересовались ими. Французские философы XVIII в. были увлечены британской философией, а вот немецкие мыслители демонстрировали удивительную широту интересов, собирая все более или менее достойные интеллектуальные продукты других культур. Таким образом, именно в немецкой философской литературе эпохи Просвещения мы можем надеяться на присутствие откликов на идеи российских авторов.

Наши поиски хочется начать с М.В. Ломоносова. Нетрудно убедиться, что его имя было хорошо известно на Западе. Но столь же легко обнаружить, что он воспринимался лишь как ученый-экспериментатор, а не как философ. А как же обстоит дело с отечественными философами? Некоторые отклики в Германии вызвали, к примеру, работы И.П. Хмельницкого и А.М. Белосельского-Белозерского. Так, трактат Хмельницкого (преподававшего одно время в Кёнигсбергском университете) «Мысли по вопросу: обладает ли Бог более, нежели одной-единственной, основной бесконечной силой» (1766) был

отрецензирован известным философом И. Ламбертом², а на эссе Белосельского «Дианиология», изданное в 1790 г. по-французски и вскоре опубликованное также на немецком языке³, в переписке с его автором благожелательно откликнулся Кант, и в 1792 г. оно было отрецензировано в немецкой «Всеобщей литературной газете». Эти факты, впрочем, не позволяют говорить о какой-то широкой реакции, и сами упомянутые работы слишком скромны для того чтобы вызывать ее. Скажем, эссе Белосельского — это любительский труд, порождающий ассоциации скорее не с философскими трактатами, а с тестами в глянцевого журналах: автор предлагает читателю по определенным критериям (необходимость использования которых не обосновывается) установить, к какому интеллектуальному типу он относится и, не указывая конкретных фактов, группирует известных людей прошлого по принадлежности к соответствующим сферам. При самом благожелательном отношении «Дианиологию» нельзя назвать серьезным философским произведением, а нас интересуют именно профессиональные философские трактаты отечественных мыслителей, вызвавшие широкую реакцию на Западе.

На рубеже девяностых и двухтысячных годов мне довелось поработать сотни немецких философских текстов эпохи Просвещения. И единственное русское имя, многократно попадавшееся в них, — это Андрей Колыванов. Его книга, «Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру», вышедшая по-немецки в 1790 г.⁴, вызвала оживленные отклики в Германии. Именно этот автор, таким образом, был, судя по всему, первым по-настоящему успешным в европейском масштабе российским философом. Удивительно, однако, то, что историки русской философии ничего не знают об этом мыслителе. Ни в одной из известных монографий, ни в одном учебнике по истории русской философии вообще не упоминается это имя.

Остановимся на мгновение и осмыслим этот факт. Он выглядит совершенно неправдоподобным. Но удивление наше еще более возрастет, когда мы посмотрим, кто именно в Германии принимал участие в обсуждении книги Колыванова и какие оценки она получала. После появления в 1791 г. анонимной и в целом положительной рецензии на «Наблюдения» в «Брауншвейгском журнале»⁵ и еще более хвалебной рецензии в «Гёттингенских ученых записках», в которой утверждается, что «основные тезисы автора до такой степени истинны и важны», сравнения нетривиальны, а знания широки, что он невольно вызывает уважение⁶, в 1792 г. на публикацию «Наблюдений» откликнулся Карл Филипп Мориц, влиятельный немецкий литератор, основатель одного из первых в мире психологических журналов. На страницах этого «Журнала эмпирической психологии» он поместил письмо о трактате Колыванова соредактору издания, знаменитому кантианцу Соломону Маймону: «Я получил эту книжку сегодня в полдень и на одном дыхании прочел ее. Уже давно ничто не вызывало у меня такого интереса, как это сочинение, которое в своем грубом одеянии содержит, кажется,

больше подлинного, чем целое множество так называемых рафинированных модных философских книг. Этот небольшой труд и его автор, несомненно, заслуживают всестороннего внимания. Я не сомневаюсь, что Вы, как и я, с наслаждением прочтете его»⁷. Ниже в том же томе «Журнала» опубликована большая рецензия Маймона, которому Мориц переправил книгу Колыванова. Известный своей критичностью, Маймон тем не менее разделяет комплиментарный тон Морица. Он пишет, что автор «Наблюдений» «совершенно оригинален как в плане изложенных там мыслей, так и относительно формы их выражения». Хотя Маймон опасается, что работа Колыванова может не встретить понимания из-за того, что автор иногда прибегает к простонародным выражениям⁸, он солидаризируется с его идеями и рекомендует книгу для прочтения.

Сходные мысли чуть позже высказал и первый историк психологии Ф.А. Кар: «Примечательные уже сами по себе как психологический феномен “Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру” Колыванова, Альтона, 1790, содержат новую и очень непохожую на обычную классификацию способностей человеческого духа, которая, как и все сочинение, отличающееся нестандартными ходами мысли и необычным немецким языком, во всяком случае выдает смелого самостоятельного мыслителя, хотя в его антропологии еще содержится немало метафизических примесей»⁹. Несмотря на критичность последней фразы Кара, характеристика «Наблюдений» выгодно контрастирует с его оценками многих других трактатов конца XVIII в.

Думаю, что приведенные свидетельства достаточно подтверждают тезис, что книга Колыванова не осталась незамеченной. Вскоре после ее выхода она вызвала позитивные или даже хвалебные отклики со стороны известных мыслителей. Обращение к ее тексту показывает, что подобные оценки не были чем-то случайным. На протяжении двухсот лет, кстати, доступ к этой книге был затруднен¹⁰ и лишь совсем недавно она стала общим достоянием. В мои задачи в этой статье не входит подробный анализ «Наблюдений». Отмечу лишь некоторые идеи, представляющие интерес и в наши дни.

Хотя автор «Наблюдений», несомненно, был весьма образованным человеком со знанием языков и хорошей философской выучкой — он был знаком с античными источниками, лейбнице-вольфовской философией, британским сентиментализмом и идеями французских просветителей, сразу, тем не менее, бросается в глаза, что перед нами нечто большее, чем академичный обзор проверенных идей. Автор озабочен недугами человечества и пытается найти новые рецепты, которые помогли бы избавиться от них. Чтобы подступиться к этой теме, он хочет разобраться с самой природой человека. Вместо абстрактных рассуждений о характере человеческой природы Колыванов предлагает провести кросскультурные исследования, которые позволят отсеять привнесенные эпохой или другими обстоятельствами компоненты человеческой жизни и выявить ядро человеческой природы¹¹. Более того, он утверждает, что уже провел соответствующие изыскания. На

основе анализа больших массивов эмпирических данных он строит таблицу сил или способностей, составляющих то, что мы можем назвать человеческой природой.

Некоторые пункты итоговой таблицы выглядят вполне предсказуемо. Так, здесь упоминаются рассудок, разум, воображение, моральное чувство и т.п. Другие пункты — к примеру, стремление к новизне, чувство справедливости, конкурентность и т.п. — подтверждают, что таблица возникла не из головы, а в результате эмпирических обобщений. Значительная часть основного текста «Наблюдений» представляет собой комментарий к этой таблице.

Главное внимание уделяется при этом рассудку, воображению и моральному чувству. Но прежде чем обсуждать детали, автор «Наблюдений» проговаривает некоторые общие принципы понимания им устройства человеческих способностей. Он радикально порывает с распространенным представлением о том, что эти способности запускаются в действие волей — отдельной, обособленной от других способностей, силой человеческой души. Деятельные импульсы, с его точки зрения, встроены в каждую способность. Встроен в каждую способность и чувственный компонент. Иными словами, каждая способность может быть истолкована как потребность, удовлетворение которой приносит удовольствие, а подавление — страдание¹². Возьмем, к примеру, такую далекую, казалось бы, от практики способность как воображение. Мы не просто обладаем этой способностью, мы стремимся применять ее. И это стремление исходит из нее самой. Если потребность в фантазировании удовлетворяется, мы чувствуем удовлетворение или удовольствие.

Расширяя эту схему на все способности, Колыванов не только исключает из итоговой таблицы волю, но и делает еще один принципиальный вывод — о ценностном равенстве всех человеческих способностей. Он отказывается от типичного для философии эпохи Просвещения представления о существовании высших и низших способностей¹³. Это представление неизбежно толкает к умалению ценности одних способностей за счет других, и такая «негация», как выражается автор «Наблюдений», в свою очередь, ведет к целому ряду дурных последствий. Во-первых, «обнуленные» потребности рано или поздно заявляют о себе страданиями. Во-вторых, подавив определенные потребности в себе, человек не будет способствовать их реализации у других, что может приводить к страданию других людей. В-третьих, игнорирование определенных сторон человеческой природы создает у людей неверный образ себя, и со временем погружает их в иллюзорное существование, которое в известном плане точнее было бы назвать сном, чем бодрствованием.

«Наблюдения о человеческом духе» предлагают своего рода рецепт пробуждения. Каждый человек должен проанализировать свою жизнь, понять, какие из его базовых способностей не находят надлежащего употребления и активизировать их, но только не в ущерб другим. Подобная практика не только позволит устранить внутрен-

ние психические проблемы, но и делает такого человека терпимым и позитивным по отношению к окружающим.

Этот момент стоит подчеркнуть, так как вначале может показаться, будто автор «Наблюдений» озабочен прежде всего благополучием конкретного индивида. Даже моральное чувство он определяет через потребность балансировки различных способностей индивида и выработки им оптимального образа действий для достижения наибольшего удовлетворения. Но в состав человеческой природы входят в том числе и альтруистические побуждения. Балансировка наших способностей, таким образом, невозможна без позитивного взаимодействия с другими людьми. Это взаимодействие, однако, не должно принимать форму жесткого руководства чьими-то судьбами. Только сам индивид может найти конкретные пути уравнивания своих способностей, так что вмешательство в чужую жизнь возможно лишь тогда, когда соответствующий индивид грубо врывается в жизнь других.

Балансировка способностей, отмечает автор «Наблюдений», затрудняется тем обстоятельством, что индивид должен учитывать не только наличную ситуацию, но и будущие события. Чем шире его видение возможного будущего, тем более адекватные решения он может принять. За представление возможных, еще не случившихся событий, отвечает воображение. Отсюда важность этой способности, развитость которой у человека отличает представителей нашего рода от остального животного мира¹⁴. Воображение дает материал для анализа возможного развития событий, рассудок производит сам анализ или сравнение вероятных последствий, а моральное чувство санкционирует осуществление действий, которые кажутся оптимальными.

Очерченный в «Наблюдениях» механизм взаимодействия рассудка, морального чувства и воображения выглядит весьма основательным, не имея при этом явных прецедентов в философии того времени. Уже одно это обстоятельство позволяет рассматривать этот трактат как серьезное и оригинальное философское исследование, заслуживающее определенного места в истории европейской мысли. А если мы вспомним о других упомянутых выше оригинальных идеях автора «Наблюдений», о его подходе к определению состава человеческой природы, о его трактовке воли и т.д., то мы увидим, что это место может быть весьма значительным. А ведь в этом кратком обзоре я упомянул далеко не все интересные разработки Колыванова. Мы можем найти здесь, к примеру, любопытные рассуждения о врожденности человека в окружающий мир, детальный анализ стадий потребления «подходящих» людям предметов, очерк нового понимания прав человека. Книга к тому же насыщена запоминающимися образами и метафорами, новыми терминами и автобиографическими зарисовками. И ее текст буквально кипит энергией.

Конечно, «Наблюдения о человеческом духе» — небольшое сочинение, и их автору трудно конкурировать с такими тяжеловесами европейской философии конца XVIII в. как, к примеру, Фихте или

Бентам. Но нельзя отрицать, что в своей нише эта книга выглядит очень достойно. Она может рассматриваться как своего рода манифест позднего Просвещения. А ее автор, безусловно, должен быть признан одним из выдающихся умов той эпохи.

Оценки, впрочем, существенно поменяются, если мы будем говорить не о европейской философии XVIII в. в целом, а об отечественной философии. Если автор «Наблюдений» принадлежит этой традиции, то он резко выделяется на фоне других. Уровень и оригинальность философских разработок Колыванова выводят его на первые позиции среди отечественных авторов XVIII в. Так что не случайно, что именно его трактат был замечен на Западе.

Эта констатация, впрочем, лишь обостряет чувство удивительной несообразности, возникающее в связи с осмыслением судьбы «Наблюдений». Почему, несмотря на сказанное, Андрей Колыванов не занимает того места в истории русской философии, которое он должен занимать? Вопрос этот отчасти риторический — вместо ответа на него надо просто изменить ситуацию. Впрочем, в этом вопросе есть один весьма тонкий момент. Пока мы не затрагивали его, но посвятим его обсуждению остаток статьи. И состоит этот момент в том, что философ Андрея Колыванова вовсе не существовало.

Догадаться об этом можно уже тогда, когда мы обращаем внимание на полное имя автора «Наблюдений» — Андрей Передумин Колыванов. Такая конструкция имени кажется неправдоподобной. Ощущение, что речь идет о псевдониме становится уверенностью, когда мы обнаруживаем, что гипотетический Андрей Колыванов не оставил других следов в культуре XVIII столетия, несмотря на то, что (судя хотя бы по тому, что автор «Наблюдений» знал не менее пяти языков¹⁵) он должен был быть заметной фигурой.

Понимание того обстоятельства, что «Андрей Передумин Колыванов» — это всего лишь псевдоним, ставит под вопрос все предшествующие рассуждения о значимости трактата этого автора для истории русской философии, если, конечно, нам не удастся показать, что за этим псевдонимом скрывается какой-то россиянин. Впрочем, сейчас мы убедимся, что так дело и обстоит.

В принципе, вероятность того, что человек, взявший псевдоним «Андрей Передумин Колыванов», тесно связан с Россией, конечно, велика. Трудно придумать другую причину, кроме такой связи, которая могла бы побудить автора «Наблюдений» сделать такой шаг. Но можно ли теперь, когда после выхода книги прошло два с четвертью века, установить имя автора, учитывая, что ни один из многочисленных списков псевдонимов, опубликованных за последние два столетия, не содержит псевдонима «Колыванов»? Двенадцать лет назад, впервые озадачившись этим вопросом, я предположил, что за интересующим нас псевдонимом мог скрываться отец знаменитого поэта П.А. Вяземского Андрей Вяземский. Зацепкой послужило то, что его родная внебрачная дочь носила фамилию Колыванова. Она была дана ей по месту рождения, Ревелю (ныне Таллинн), старое название которо-

го — Колывань. Судя по воспоминаниям современников, Вяземский интересовался философией. Он знал много языков и пробовал себя в писательском ремесле.

Эта гипотеза могла показаться заманчивой, но правда не на ее стороне. «Наблюдения о человеческом духе» написал другой человек. И свидетельства в пользу его авторства таковы, что их едва ли можно подвергнуть сомнению. Начать рассмотрение этих свидетельств лучше всего с книги, не имеющей, казалось бы, никакого отношения к нашей теме. Речь идет о сборнике материалов, связанных с жизнью и творчеством немецкого литератора Иоганна Готтверта Мюллера (1743 — 1828)¹⁶. Этот сборник вышел в 1843 г. под редакцией и с комментариями Ханса Шредера. В одном из комментариев содержится отсылка к «Наблюдениям о человеческом духе». Шредер утверждает, что автором данной работы был Христлиб Фельдштраух¹⁷. Комментарий этот присоединен к письму, отправленному Мюллеру Фельдштраухом в октябре 1788 г., т.е. за пару лет до публикации «Наблюдений». К этому письму мы вскоре вернемся, пока же подумаем, можно ли доверять словам Шредера. Откуда он, собственно, взял эту информацию? Этот вопрос, конечно, мог бы остаться без ответа. Однако ответ на него можно получить. Дело в том, что Шредер, лично знавший Мюллера, вскоре после смерти последнего участвовал в составлении и издании каталога его библиотеки. И в этом каталоге под № 6684 мы находим «Наблюдения» Колыванова с пометкой «Фельдштраух»¹⁸. Логично предположить, что эта пометка была сделана на самом экземпляре книги¹⁹ и была воспроизведена при издании каталога.

Обстоятельства появления этой пометки несложно реконструировать. Мы уже знаем, что Мюллер получил письмо от Фельдштрауха. В этом письме Фельдштраух просит Мюллера о встрече для обсуждения своих философских идей в преддверии их возможного обнародования. Фельдштраух писал из Альтоны (ныне район Гамбурга; именно в Альтоне были вскоре опубликованы «Наблюдения»), а Мюллер жил неподалеку в датском (в те времена) городе Итцехо. Судя по словам Шредера, Фельдштраух позже переехал в Итцехо. Это может означать, что контакты Фельдштрауха и Мюллера не ограничились одним письмом. Один из экземпляров «Наблюдений», опубликованных через два года после первого контакта Фельдштрауха с Мюллером, был, естественно, подарен последнему, и Мюллер не забыл поставить отметку о том, кто был автором этого трактата. Или это сделал сам Фельдштраух.

Важным подтверждением того, что «Наблюдения» действительно были написаны Фельдштраухом является то, что стиль его письма Мюллеру неотличим от стиля этой книги. И там и здесь мы видим, к примеру, обильные «невынужденные» вкрапления иноязычных фраз. Есть и другие совпадения. Так что вопрос об авторстве «Наблюдений о человеческом духе и его отношении к миру» можно считать закрытым. Автором был Христлиб Фельдштраух. Но что дает нам знание этого

имени? И имеет ли этот ли человек какое-то отношение к России? Можно ли сейчас вообще хоть что-то узнать о нем?

Как ни странно, узнать о нем можно многое. Прежде всего потому, что в том самом письме Мюллеру он сообщает о себе немало интересного. В частности, он говорит, что «родился в 1734 г. в городе Ревель Российской империи»²⁰. Стало быть, Христлиб Фельдштраух не просто имел какое-то отношение к России. Он родился в России (Ревель с начала XVIII в. и до начала XX в. был российским городом) и это, разумеется, имеет большое значение для нас. Сразу отметим также, что он, похоже, сохранил добрые воспоминания о своей родине. Иначе было бы непонятно, почему в качестве основы для псевдонима он взял одно из названий родного города — Колывань.

После указания места своего рождения Фельдштраух пишет, что он «изучал теологию в Галле в 1751 — 1756 гг.»²¹ Университет в Галле был в те времена одним из лучших в Германии, центром вольфианства (и сам Христиан Вольф еще был жив в начале 50-х, и жил он именно в Галле). Сведения о том, что Фельдштраух обучался на теологическом факультете в Галле подтверждаются и из другого источника. Христлиб Фельдштраух упоминается в списках студентов теологического факультета университета Галле 1751 г.²² В списках также указано, что он был из Ревеля (Revalia Livonus). Эта информация дополняется сведениями, содержащимися в архиве Исследовательского центра Августа Германа Франке в Галле. Из рекомендательных писем ревельцев И.Г. Тидебёля и М. Кельха известному теологу и администратору из Галле Готхильфу Августу Франке от 10 июля 1751 г. и 16 июля 1751 г. следует, что Христлиб Фельдштраух происходил из бедной семьи, что его отец уже умер, а пожилая мать перебивалась после пожара, что он был выпускником ревельской церковной школы и собирался приехать в Галле²³. И, как мы знаем, он приехал и проучился там до 1756 г.

После завершения обучения, деньги на которое он, вероятно, хотя бы частично зарабатывал частными уроками²⁴, Фельдштраух «пять лет проработал воспитателем в своем Отечестве», т.е. вернулся в Россию. В 1761 г., однако, он вновь оказался в Германии и преподавал в разных школах — в Пирмонте, Миндене и, с 1768 по 1771 гг., в дворянском лицее Люнебурга. После увольнения из лицея он работал репетитором в Люнебурге, Франкфурте-на-Майне, Брауншвейге и Пирмонте. В 1778 г. Фельдштраух переехал в Альтону, где сначала устроился домашним учителем, а потом стал давать частные уроки «по языкам и наукам». В этом статусе он и находился в 1788 г., когда отправил письмо Мюллеру. О дальнейшей его судьбе сообщает Х. Шредер в уже известном нам комментарии к этому письму. Он говорит, что Фельдштраух издал «Наблюдения о человеческом духе», а также отмечает, что тот переехал в Итцехо, где жил Мюллер, и умер там²⁵. Эта информация о месте смерти Фельдштрауха, однако, неточна. На самом деле он умер во Франкфурте-на-Майне. Об этом свидетельствует заметка в приложении к местной рекламной-информационной газете от 18 июня 1799 г. Здесь сообщается, что ученый из Ревеля Христлиб

Фельдштраух был похоронен во Франкфурте 11 июня. Указан и его возраст — «65 лет, 4 месяца и 14 дней»²⁶. Получается, что он родился в конце января 1734 г. Это согласуется с уже известными нам фактами, а если учесть, что фамилия «Фельдштраух» крайне редка (эта искусственная фамилия сконструирована по типу «Гольденберг» или «Розенфельд» и буквально означает «полевой куст»), то вероятность совпадения оказывается ничтожной. Можно, таким образом, уверенно заключить, что после пребывания в Итцехо Фельдштраух переехал во Франкфурт, где и прошли его последние дни. Вся траектория его жизни, стало быть, известна нам.

Хорошо, конечно, было бы дополнить внешнюю событийную сторону жизни этого человека сведениями о его личности и характере. Эта задача тоже оказывается решаемой. Источником информации на этот счет, помимо рекомендательных писем к Г.А. Франке, из которых мы, в частности, узнаем, что Фельдштраух был развитым, воспитанным и не очень религиозным юношей, и ряда автобиографических фрагментов «Наблюдений о человеческом духе», опять же оказывается письмо, отправленное Фельдштраухом Мюллеру. Рассказав о своей работе с детьми, Фельдштраух отмечает, что ею не исчерпывалась его деятельность. Он многое повидал и пережил и постепенно, а именно с конца 60-х гг., стал записывать свои наблюдения. Исследования его все углублялись, но, как он дает понять Мюллеру, его находкам недоставало систематичности. И он говорит, что хотел бы привести их в порядок и обкатать полученные результаты, добавляя, что его изыскания относятся к «области практической философии и имеют отношение к людям, их природе, воспитанию, языку, сообществам, сословиям, религии, законам» и т.п.²⁷ Если сравнить указания Фельдштрауха с содержанием «Наблюдений», то станет ясно, что лишь часть его исследований нашла отражение в книге. К примеру, там почти ничего не сказано о языке (хотя автор подтверждает, что у него есть соответствующие наработки²⁸), о законах и т.д.²⁹

Ясно, таким образом, что в момент обращения к Мюллеру, за два года до публикации в 1790 г. «Наблюдений» у Фельдштрауха еще не было четкого представления о том, что именно он будет публиковать. Через какое-то время он решил начать с фундаментального вопроса о человеческой природе. В «Наблюдениях» он вспоминает, что отправной точкой его исследований человеческой природы стало обнаружение им нестыковок в традиционных представлениях о человеке. Но прошло еще много лет прежде чем он натолкнулся на ключевую идею своего трактата о необходимости равного отношения ко всем человеческим способностям. Как пишет Фельдштраух в «Наблюдениях», обособив эту идею, он подверг ее многосторонней проверке³⁰. Можно предположить, что к 1788 г. черновые работы уже были завершены.

Но вернемся к письму Мюллера. Фельдштраух признается, что считает многие свои идеи полезными, хотя и отдает отчет в том, что он не может быть судьей самому себе. Для этого он, собственно, и написал ему. Ознакомившись с сочинениями Мюллера, Фельдштраух пришел

к выводу, что тот сможет объективно оценить его теории — и предлагает обсудить их. Показательно при этом, что он прямо заявляет, что ни с кем не обговаривал их ранее. Таким образом, мы имеем дело с мыслителем, который на протяжении более двадцати лет вынашивал свои идеи втайне от окружающих. Это не значит, что у Фельдштрауха не было друзей. Он подчеркивает, что него были хорошие друзья. Но добрый нрав, замечает он, не всегда сочетается с глубоким умом и обширными познаниями. А вот в Мюллере, как он чувствует, он мог бы найти и друга, и понимающего слушателя³¹. Фельдштраух надеется, что, апробировав на нем свои концепции и отделив ценное от ошибочного, он мог бы обнародовать эти потенциально важные находки. Они могли бы оказать благотворное влияние на людей, а в посильном улучшении жизни людей, и состоит, по мнению Фельдштрауха, смысл человеческого существования.

В конце письма Фельдштраух обсуждает перспективы переезда в Итцехо. Отсюда мы узнаем, что у него не было ни семьи, ни больших капиталов, ни собственного дома и что единственным его богатством были книги и рукописи. Он также дает понять, что не отличается крепким здоровьем.

В постскриптуме Фельдштраух подчеркивает, что рассказанное им Мюллеру не предназначено для передачи каким-либо третьим лицам, так как он хотел бы сохранить возможность вести незаметную и независимую жизнь. Такая жизнь позволяет беспрепятственно наблюдать, свободно размышлять и судить о вещах — а в этом, добавляет он, и состоит цель его философии³².

Оценивая имеющиеся у нас данные о Фельдштраухе, трудно отрицать, что перед нами незаурядная личность. Человек, отказывающийся от известности и материальных благ ради возможности свободно мыслить, посвятивший десятки лет упорной работе над трактатом, главная задача которого состояла в обучении читателей той самой свободе, которую он так ценил, и опубликовавший этот труд под занавес своей жизни — это примечательная судьба. Вспомним теперь, что трактат Фельдштрауха, «Наблюдения о человеческом духе», и сам по себе обладает рядом несомненных достоинств, — и мы готовы будем со всей серьезностью отнестись к последней теме, которую я хочу обсудить в этой статье. Речь идет о том, есть ли у нас основания рассматривать фигуру Фельдштрауха в контексте русской философии.

Обязательности здесь, конечно, нет. Фельдштраух задумал и издал свою книгу в Германии, так что его можно характеризовать и как немецкого мыслителя. А если судить по месту рождения, то его можно отнести и к истории эстонской философии. Спорить с этим бессмысленно. Но ничто не мешает оценивать философа в разных перспективах. И суть в том, что у нас есть серьезные основания рассматривать Христлиба Фельдштрауха в перспективе истории отечественной философии. Во-первых, он родился в России и прожил там треть жизни. Во-вторых, и это самое важное, он сам идентифици-

ровал себя как россиянина. Напомню, что в письме Мюллеру, написанному через четверть века после отъезда из России, он называет ее «отечеством». Теплое отношение к России проявляется и в том самом псевдониме, «Андрей Передумин Колыванов», выбранном им для книги, в которой были подведены итоги его многолетних философских размышлений.

В общем, можно уверенно говорить, что если бы мы спросили Христлиба Фельдштрауха, кем он себя считает, он сказал бы, что считает себя россиянином. Так что же может помешать *нам* счесть его таковым? Российская философия эпохи Просвещения небогата на сильные умы, которые могли бы тягаться с западными мыслителями. Христлиб Фельдштраух выдерживает сравнение с западными современниками. И мы имеем право рассматривать его в очерках истории русской философии³³. Надо лишь воспользоваться этим правом — и мы зажем в этой истории звезду первой величины.

Более спорным, конечно, выглядит тезис, что этого философа можно рассматривать как начальную фигуру русской философии. Философские трактаты отечественные авторы писали и до него. И у него, конечно, были философски одаренные современники. Но если мы всерьез будем сравнивать «Наблюдения» Фельдштрауха с другими сочинениями, релевантными для нашего обсуждения, то мы увидим, как непросто им выдержать это сравнение.

В самом деле, о состоянии отечественной философии того времени можно судить хотя бы по тому, что можно написать книгу о русской метафизике XVIII в. и не рассмотреть в ней подробно ни одного метафизика — из-за дефицита материала для обсуждения³⁴. Но если говорить о конкретных именах, то двумя ведущими отечественными философами конца XVIII в. обычно признаются Радищев и Сковорода³⁵. Проблема, однако, в том, что главный труд Радищева, как было установлено уже сто лет назад, это откровенная компиляция³⁶, о чем, кстати, по неясным причинам не упоминают современные комментаторы. Что же касается Сковороды, то хотя он был оригинальным мыслителем, его сочинения были опубликованы позже «Наблюдений» Фельдштрауха, а его мысли настолько погружены в религиозные сюжеты и оторваны от контекстов новоевропейской метафизики, что не было ни малейшего шанса, что его работы окажут на нее хоть какое-то воздействие. Сравнивая сочинения Сковороды с «Наблюдениями» Фельдштрауха, мы чувствуем разительный контраст. Не уступая в оригинальности своему знаменитому современнику, Фельдштраух создает профессиональный светский трактат, который легко встроить в традицию новоевропейской философии.

В общем, можно заключить, что «Наблюдения о человеческом духе» Хр. Фельдштрауха — это первый написанный россиянином масштабный философский труд, общий уровень и оригинальность идей которого таковы, что они соответствуют международным стандартам. Начиная с этой книги, отечественные философы расстаются с ролью прилежных учеников или неискушенных фантазеров и реально обо-

гащают мировую мысль своими идеями. И при желании это можно назвать моментом рождения русской философии³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не все, впрочем, согласны с таким подходом. (См., например: *Громов М.Н.* Образы философов в Древней Руси. – М., 2010.)

² См.: *Круглов А.Н.* И.П. Хмельницкий в Кёнигсбергском университете XVIII века // *Словору: Балтийский акцент.* 2013. № 2. С. 102 – 103.

³ См. об этом: *Гулыга А.В.* А.М. Белосельский и его трактат «Дианиология» // *Историко-философский ежегодник '88.* – М., 1988. С. 266 – 274; *Артемяева Т.В., Златопольская А.А., Микешин М.И., Тоси А.* А.М. Белосельский-Белозерский и его философское наследие. – СПб., 2008.

⁴ См.: *Koliwanow A.P.* Beobachtungen über den Geist des Menschen und dessen Verhältniß zur Welt. Ein philosophischer Versuch. – Altona, bei Christian Gottlieb Pinkvoß, 1790.

⁵ *Braunschweigisches Journal* / hrsg. v. E. Chr. Trapp. Bd. 2, 1791. S. 358 – 365.

⁶ *Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen.* Bd. 22, 1791. S. 213 – 215.

⁷ *Moritz K.P.* Die Schriften in dreissig Bänden / hrsg. v. P. und U. Nettelbeck. Bd. 9. – Nördlingen, 1986. S. 70 – 71.

⁸ *Ibid.* S. 71; *Maimon S.* Gesammelte Werke / hrsg. v. V. Verra. Bd. 3. Hildesheim, 1970. S. 393.

⁹ *Carus F.A.* Geschichte der Psychologie. – Leipzig, 1808. S. 726 – 727.

¹⁰ Знаменитый историк психологии Макс Дессуар, к примеру, признавался, что так и не смог отыскать эту книгу (см.: *Dessoir M.* Geschichte der neueren deutschen Psychologie. 2 Aufl. – B., 1902. Bd. 1. S. 282 – 283). В мире осталось, вероятно, около десятка ее экземпляров, один из них – в Фундаментальной библиотеке МГУ.

¹¹ *Koliwanow A.P.* Beobachtungen über den Geist des Menschen. S. 8. Такой метод применяется и в наши дни (см., например: *Pinker S.* The Blank Slate. – N. Y., 2002. P. 55, 435 – 439).

¹² *Koliwanow A.P.* Beobachtungen über den Geist des Menschen... S. 18 – 24.

¹³ *Ibid.* S. 7.

¹⁴ *Ibid.* S. 73 – 78.

¹⁵ В том числе русский – помимо прочего об этом говорит то, что среди авторских исправлений и пометок в франкфуртском экземпляре «Наблюдений» мы находим выписанное кириллицей слово «естество».

¹⁶ *Johann Gottwerth Müller*, Verfasser des *Siegfried von Lindenberg*: Nach seinem Leben und seinen Werken / *Schröder H.* (hrsg.) – Itzehoe, 1843.

¹⁷ *Ibid.* S. 91. Он, правда, допускает небольшую неточность в названии работы.

¹⁸ *Verzeichniss der von... J.G. Müller in Itzehoe hinterlassenen Bibliothek.* – Itzehoe, 1829. S. 343.

¹⁹ Мюллер имел привычку делать пометки в книгах (*Ibid.* Vorwort).

²⁰ *Feldstrauch an Müller* // *Johann Gottwerth Müller*, Verfasser des *Siegfried von Lindenberg*... S. 88 – 89.

²¹ *Ibid.* S. 89.

²² См.: *Eckardt J.* Livland im achtzehnten Jahrhundert: Umriss zu einer livländischen Geschichte. – Leipzig, 1876. S. 546.

²³ *Archivs der Franckeschen Stiftungen.* AFSt/H C 381: 95; AFSt/H C 381: 104 (см.: <http://www.francke-halle.de/>). Я благодарен Юргену Грёшлю за уточнение деталей

писем Тидебёля и Кельха к Франке. Информация о Фельдштраухе на указанном сайте была приведена в соответствии с выводами этой статьи 3 апреля 2014 г.

²⁴ Ср.: Ibid. AFSt/H C 381: 104; AFSt/H C 381 : 107.

²⁵ См.: Johann Gottwerth Müller, Verfasser des Siegfried von Lindenberg... S. 91.

²⁶ Anhang zu den Frankfurter Frag- und Anzeige-Nachrichten. 1799. № 51.

²⁷ *Feldstrauch* an Müller. S. 89.

²⁸ См.: *Koliwanow A.P.* Beobachtungen über den Geist des Menschen... S. V.

²⁹ Скорее всего, соответствующие рукописи Фельдштрауха безвозвратно утрачены. Не исключено, впрочем, что после «Наблюдений» Фельдштраух опубликовал еще что-то, и опубликованное им можно будет найти. Основанием для такого предположения является то, что в старом словаре псевдонимов Э. Веллера сказано, что Христлиб Фельдштраух стоял за псевдонимом «Андреас Передуним» (см.: *Weller E.* Lexicon Pseudonymorum. 2 Aufl. – Regensburg, 1886. S. 420). Веллер не указывает источники этой информации, а также работу или работы, вышедшие под таким псевдонимом. Нетрудно заключить, однако, что этой работой едва ли могли быть «Наблюдения о человеческом духе»: «Андрей Передумин Колюванов» и «Андреас Передуним» (с изменением имени, перестановкой букв в фамилии и сокращением всей конструкции) – это все же разные псевдонимы. Логично предположить, что Веллер имел сведения о другом тексте или текстах Фельдштрауха.

³⁰ См.: *Koliwanow A.P.* Beobachtungen über den Geist des Menschen... S. 3 – 6.

³¹ Поскольку в тексте «Наблюдений» нет указаний на контакты с Мюллером, ожидания Фельдштрауха, возможно, не вполне оправдались. Тем не менее какие-то отношения с ним, как мы знаем, были продолжены.

³² *Feldstrauch* an Müller. S. 91.

³³ Тем более, что у нас есть русский перевод его трактата (см.: *Колюванов А.П.* Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру. – Калининград, 2003); этот текст есть в свободном доступе в Интернете.

³⁴ См.: *Артемьева Т.В.* История метафизики в России XVIII века. – СПб., 1996.

³⁵ См., например: *Евлампов И.И.* История русской философии. – М., 2002. С. 32.

³⁶ См.: *Шнем Г.Г.* Очерк развития русской философии. I. – М., 2008. С. 101 – 102.

³⁷ Я благодарен М.А. Маслину, В.В. Сербиненко и А.Н. Круглову за ценные замечания в ходе работы над данной статьей.

REFERENCES

- Anhang zu den Frankfurter Frag- und Anzeige-Nachrichten. 1799. № 51.
Artemyeva T.V. Istoriya metafiziki v Rossii XVIII veka. – Saint Petersburg, 1996.
Artemyeva T.V., Zlatopolskaya A.A., Miskeshin M.I., Tosi A. A.M. Belosel'skiy-Belozerskiy i ego filosofskoe nasledie. – Saint Petersburg, 2008.
Braunschweigisches Journal / hrsg. v. E. Chr. Trapp. Bd. 2, 1791.
Carus F.A. Geschichte der Psychologie. – Leipzig, 1808.
Dessoir M. Geschichte der neueren deutschen Psychologie. 2 Aufl. – B., 1902. Bd. 1.
Eckardt J. Livland im achtzehnten Jahrhundert: Umriss zu einer livländischen Geschichte. – Leipzig, 1876.
Evlampiev I.I. Istoriya russkoy filosofii. – Moscow, 2002.
Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. Bd. 22, 1791.

Gromov M.N. Obrazy filosofov v Drevney Rusi. – Moscow, 2010.

Gulyga A.V. A.M. Belosel'skiy i ego traktat «Dianiologiya» // Istoriko-filosofskiy ezhegodnik '88. – Moscow, 1988.

Johann Gottwerth Müller, Verfasser des Siegfried von Lindenberg: Nach seinem Leben und seinen Werken / Schröder H. (hrsg.) – Itzehoe, 1843.

Koliwanow A.P. Beobachtungen über den Geist des Menschen und dessen Verhältniß zur Welt. Ein philosophischer Versuch. – Altona, bei Christian Gottlieb Pinkvoß, 1790.

Koliwanow A.P. Nablyudeniya o chelovecheskom dukhe i ego otnoshenii k miru. – Kaliningrad, 2003.

Kruglov A.N. I.P. Kmelnitskiy v Kenigsbergskom universitete XVIII veka // Slovo. ru: Baltiyskiy aktsent. 2013. № 2.

Maimon S. Gesammelte Werke / hrsg. v. V. Verra. Bd. 3. Hildesheim, 1970.

Moritz K.P. Die Schriften in dreissig Bänden / hrsg. v. P. und U. Nettelbeck. Bd. 9. – Nördlingen, 1986.

Pinker S. The Blank Slate. – N. Y., 2002.

Shpet G.G. Ocherk razvitiya russkoy filosofii. – Moscow, 2008.

Verzeichniss der von... J.G. Müller in Itzehoe hinterlassenen Bibliothek. – Itzehoe, 1829.

Weller E. Lexicon Pseudonymorum. 2 Aufl. – Regensburg, 1886.

Аннотация

В статье рассматривается жизненный путь и ключевые идеи Христлиба Фельдштрауха (1734 – 1799), россиянина, опубликовавшего в 1790 г. философский трактат «Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру», который вызвал позитивные отклики немецких мыслителей. Уровень трактата настолько высок, что его создатель может претендовать на звание одного из крупнейших отечественных философов XVIII в.

Ключевые слова: Христлиб Фельдштраух, Андрей Колыванов, философия эпохи Просвещения, русская философия XVIII в.

Summary

The paper examines the life and key ideas of Christlieb Feldstrauch (1734 – 1799), who was born in Russia and published in 1790 a philosophical treatise «Observations on Human Mind and Its Relation to World», which was positively reviewed by German thinkers. A quality of this treatise is so high that its author can be considered as one of the most important Russian thinkers of the 18th century.

Keywords: Christlieb Feldstrauch, Andrei Koliwanow, philosophy in the Age of Enlightenment, Russian philosophy of the 18th century.